

Геннадий Гребенник

Записки обитателя одесского истфака*

5

Историю Средних веков нам преподавала незабвенная Ирина Владимировна Завьялова, женщина серьезного возраста, о чем говорило ее прозвище – Старушка. Стройная, старомодная, даже чопорная, с необычайно голубыми живыми глазами, она была по отношению к студентам требовательной, энергичной, местами даже суровой. Она не терпела разгильдяйства, неорганизованности, безразличия. Ее резких определений боялись. Она могла сказать обидные слова, но обижаться на нее было не принято. «Вам надо в зоопарк жирафа смотреть!» – кричала она нерадивому студенту. Такой она мне запомнилась.

Она учила нас анализировать первоисточники, организовывать свою самостоятельную работу. С этой целью она не жалела времени на проверку наших конспектов. Она давала нам творческие задания, которые требовали от нас как бы вживаться в эпохи раннего европейского феодализма, крестовых походов, итальянского Возрождения. Ее семинары были, пожалуй, интереснее, чем ее лекции, хотя и к тем у меня нет претензий. И вот когда встречаешь такой уровень преподавания, когда требовательность сочетается с глубоким знанием предмета, то включаешься в работу, чтобы соответствовать этому уровню, начинаешь самостоятельно читать и конспектировать вещи сверх обязательной программы.

С Ириной Владимировной связаны два ярких впечатления моей учебы на истфаке.

* Продолжение. Начало в кн. 45, 46

Первое – это написание мной курсовой работы о флорентийских художниках Джотто и Мазаччо. В течение учебы на истфаке я писал несколько курсовых работ, но запомнил только эту. Почему я выбрал культурологическую тему? Исключительно потому, что ничего не знал об этих художниках, кроме того, что они были предшественниками великого Леонардо. Я был рад погрузиться в великолепнейшую эпоху Возрождения, которая породила целое скопление суперзвезд живописи и скульптуры на ничтожном клочке земли под названием Италия. Они действительно возродили античный культ красоты, но вложили в него свое, христианское мироощущение. Главным моим экспертом по теме работы стал автор трактата «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари (1511-1574). Свой очерк о Джотто он начал так: «Мы должны, как мне думается, быть обязанными Джотто, живописцу флорентийскому, ибо <...> поистине чудом величайшим было то, что век тот, и грубый, и неумелый, возымел силу проявить себя через Джотто столь мудро, что рисунок, о котором люди того времени имели немного или вовсе никакого понятия, благодаря ему полностью вернулся к жизни».

Почувствуйте вкус, как почувствовал его я, к средневековому письму и манере мыслить, в нем адекватно выразившейся! С одной стороны – витиевато, пышно, пафосно, велеречиво, цветисто, с выкрутасами... А с другой – сразу же, без разгона – быка за рога: чем мы обязаны художнику Джотто, жившему в конце XIII – первой трети XIV в. Действительно, если мы ему ничем не обязаны, то зачем о нем писать? А мы ему обязаны ни много ни мало тем, что он заново научил нас рисовать. А чем мы обязаны Мазаччо? Мы ему обязаны «доброй манерой живописи». Итак, Джотто научил нас рисовать, а Мазаччо раскрашивать рисунок красками, живописать.

Для меня было очевидно, что наука – это то, что европейское человечество приобрело в Новое время, а культура – это то, чем оно располагало в эпоху Средневековья. Именно тогда был выработан идеал совершенной духовной личности, и с тех пор он остается для нас недостижимым. Если вы хотите повысить свой культурный уровень, то вы просто обязаны обратить свой взор в Средневековье. Оттуда происходят образы, понятия, критерии и смыслы, образующие каркас современной европейской культуры.

Второе впечатление связано с одним заседанием кружка по истории Средневековья, который вела И.В. Завьялова. Я учился на третьем курсе. Экзамен Завьяловой мы сдали в летнюю сессию за второй курс. Поэтому студентов было мало. Увы, и в наше время студенты были неприлично прагматичны. Из настоящих кружковцев я запомнил Иру Немченко. (Ныне Ирина Викторовна заведует кафедрой древнего мира и Средних веков на истфаке.) Она училась на курс старше, была старостой кружка. Сидела вместе со своей подружкой. Имени последней я не помню. Помоему, ее фамилия была Жебеленко. В тот раз темой заседания был Вольтер, тот самый – Франсуа Мария Аруэ. И докладчиком был не кто-нибудь, а сам Петр Осипович Карышковский. На заседание кружка пришел доцент Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, признанный знаток эпохи Просвещения.

Петр Осипович поставил на трибунку перед собой знаменитый бюстик Вольтера: старик с объемным лысым черепом и худой жилистой шеей, в античных одеяниях, смотрящий на мир всепонимающими глазами и при этом язвительно улыбающийся тонкими губами. Эта змеиная улыбка Вольтера не менее загадочна и притягательна, чем улыбка Джоконды. ПЭО на пару с Вольтером смотрелись неплохо.

Начал Петр Осипович свой доклад с того, что дал широкую панораму Европы середины XVIII в. вплоть до гиперборейских далей вечно снежной России. И вся она, Европа, была скована сном разума, который кое-где подсвечивался кострами инквизиции. Затем он сосредоточился на Франции. В отсутствие свободных установлений страдают не только низшие, но и высшие сословия. Аристократия в салонах начала критику режима абсолютизма. Вольтер подхватил ее и сделал достоянием общественного мнения всей Франции, более того – всей Европы. Собственно говоря, общественное мнение как феномен гражданского общества формировалось вокруг того, о чем писал и говорил Вольтер. Он разработал и провел успешные испытания нового оружия – оружия критики словом, саркастическим смехом, аргументом здравого смысла. Вся Франция смеялась над тем, над чем он смеялся. Он бесстрашно указал на могущественную католическую церковь и бросил клич: «Раздавите гадину!».

В аудитории была ниша, в ней стояла маленькая колонка с бюстом Ленина. Войдя в раж, большой и нескладный Петр Осипович умудрился влезть в эту нишу за колонку и оттуда, возвышаясь над бюстом вождя, выпучив глаза, бросал страшные слова. Он явно был в крайнем эмоциональном возбуждении и говорил вещи, лично его задевавшие. Он восхищался Вольтером, его свободой во всех ее аспектах: жизнелюбием, духовной энергией, колоссальной работоспособностью, разнообразием интересов, независимостью от мнения королей. Наоборот, это их репутация зависела от его мнения. Не он был на уровне века, а век подтягивался до его уровня. Он стал истинным королем Франции, поскольку был королем общественного мнения, от которого и венценосные особы зависели явным образом. Петр Осипович достиг апофеоза в своем экстазе. Ему нравился Вольтер как человек, живший полнокровной жизнью, не боявшийся «грешить», презревший предрассудки и лицемерие своего века. На его стороне были только сила разума и таланта. Он вступил в, казалось, абсолютно безнадежный поединок с могущественной католической церковью, осуществлявшей тотальный идеологический контроль над словами и мыслями людей. В этом отношении историка к Вольтеру сквозило много личного и... общественного, если вспомнить, что роль КПСС была аналогична роли средневековой католической церкви в Европе. Я взглянул в этот момент на Ирину Владимировну. Она улыбалась. Она тихо восторгалась. В ее глазах читалась влюбленность.

Но это была только прелюдия. В разговор вступил Вадим Сергеевич. И закрутилось! Все знали, что он был поклонник Жан-Жака Руссо. Вольтер или Руссо – «кто более матери-истории дорог»? Разгорелся нешуточный спор. Два главных идеолога эпохи французского Просвещения при жизни ненавидели друг друга. Вольтер смотрел на Руссо как на злобного сумасшедшего. Руссо говорил о Вольтере, что это «прекрасный ум и низкая душа». В персонах Карышковского и Алексеева-Попова они обрели прекрасных адвокатов.

Кто-то должен был расплатиться за набеги барских кроликов на поля фермеров, за королевский фаворитизм и прочие «шалости» дворянского класса. Привилегии, все до единой, противны веленьям человеческого разума – такой вывод философ-

энциклопедистов был приговором для феодальной системы власти, основанной на принципе привилегии. Именно с этого момента обретает силу философия Руссо с ее центральным принципом Справедливости и Равенства.

Если бы не было аристократии, не было бы и Вольтера. Он всей душой принадлежал этому сословию – не по происхождению, а по своему духу, по своей культурной интенции. Руссо ненавидел аристократию, она оскорбляла его чувство равенства. Руссо под именем «общей воли» возвел народ в божество. Вольтер в народе прозревал чернь, которую опасно распалать революционными призывами. По идеологическому рисунку Вольтер был протолиберал, а Руссо – протосоциалист, причем большевистского толка.

Карышковскому решительно не нравился Руссо и как мыслитель, и как человек: сентиментальный, плаксивый, вечно жалующийся на свою судьбу, склонный к мизантропии старик. Видевший в предметах цивилизации лишь инструменты разврата и культурного вырождения, Руссо в принципе не мог радоваться жизни.

Можно только подивиться иронии истории. «Человек со Слободки» Петр Осипович оказался «вольтерьянцем», поклонником аристократического начала, а урожденный дворянин Вадим Сергеевич – руссоистом, сторонником демократического принципа.

Конкретных реплик спорщиков и чем, собственно, закончился спор, я, конечно, не запомнил. Да это и неважно, важно то потрясающее впечатление, которое я получил от столкновения умов и характеров двух ученых мужей. Это был настоящий агон в античном понимании этого слова. И мне, признаюсь, ужасно захотелось стать таким же поединщиком, вооруженным до зубов фактами и аргументами.

6

Упомянутый Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (1912-1982) был еще одним выдающимся персонажем старшей плеяды истфаковских преподавателей. О нем мы были весьма наслышаны и заранее трепетали. Он пришел к нам на третьем курсе. От предыдущих поколений студентов ему досталось прозвище «Алеша Попович». Впрочем, в нашем кругу мы его так не называли. Маленький,

сухонький, с хохолком редких непричесанных волос на голове, он походил на Суворова в гражданском. Он не считал нужным скрывать своего раздражения и бурно возмущался, если мы недорабатывали. Почтенный возраст (ему было больше 60-ти лет) давал ему на это законное право. Рассказывали, что однажды, находясь в нервном возбуждении, Вадим Сергеевич вытащил из внутреннего кармана пиджака только что полученную зарплату и со словами «зачем мне государство платит, если я не могу вас ничему научить!» бросил деньги так, что они веером разлетелись по аудитории. Зато если он выделял кого-то из нас в лучшую сторону, то одаривал своим доверием. Я сам испытал на себе это доверие. Два-три удачных ответа на семинаре, конспект, который он оценил на «отлично», – этого оказалось достаточно, чтобы он зачислил меня в «свои» студенты. В результате я был приглашен к нему домой. Он показал мне свою обширную библиотеку, дал из нее книги почитать. На экзамене мне попался билет, третьего вопроса которого я практически не знал. Но кредит доверия со стороны Вадима Сергеевича был ко мне так велик, что до третьего вопроса дело не дошло.

Урок братьям нашим младшим, студентам: в течение семестра учитесь так, чтобы на экзамене в трудной ситуации к вам на выручку пришел сам экзаменатор. Причем желательно, чтобы он об этом даже не подозревал.

В.С. Алексеев-Попов читал нам, как сейчас принято говорить, свой авторский курс. О, тогда это была большая ересь! В нарушение жесткого требования неукоснительно придерживаться министерской программы курса большую часть лекционного времени он отводил освещению идеологии эпохи французского Просвещения и Великой Французской революции, ее основным линиям – консервативной, жирондистской и якобинской. Судя по всему, его самого интересовал феномен идеологии. Помню, на семинарах он ставил нам задачу провести сравнение английской и французской революций и объяснить, почему первая осуществлялась, как он выражался, «в религиозной рубашке», а вторая носила ярко выраженный атеистический характер и проходила под лозунгом «Долой религию, да здравствует разум!». Для анализа революций Вадим Сергеевич применял методологию, почерпнутую в работах К. Маркса. Последний в его глазах был великим мыслителем.

Конечно, на первом месте у него шел его любимый Жан-Жак Руссо. Надо сказать, что Алексеев-Попов был весьма учен в этом вопросе. Он перевел с французского трактаты Ж.-Ж. Руссо, дал комментарий к ним, написал большую вступительную статью*. Известно, что ему помогал работать над переводом эмигрировавший из Франции Николай Алексеевич Полторацкий (1909-1991). До сих пор эта книга переиздается в России в его переводе и с его комментариями. Собственно говоря, это его главный вклад в науку. По неизвестным мне причинам Вадим Сергеевич, к сожалению, очень редко публиковался. Я считал и до сих пор так считаю, что причиной тому – высокая требовательность к себе как ученому. Между тем он располагал авторитетом среди своих коллег-специалистов как в Союзе, так и во Франции. Его знали, с ним считались, спрашивали его совета крупные научные авторитеты. Я полагаю, что исследовательский и педагогический аспекты в преподавательской работе В.С. Алексеева-Попова были удачно сбалансированы.

Вадим Сергеевич возглавлял в Одессе отделение Общества советско-французской дружбы, неоднократно бывал во Франции, конечно, имел личные знакомства с тамошними специалистами по истории Французской революции, поддерживал с ними переписку. Однажды после занятий он показал нам в аудитории привезенный из Франции фильм об этой революции. Фильм не был дублирован. По ходу показа он несколько раз прерывал его и комментировал только что увиденное. Фильм был игровой, но с соблюдением всех исторических деталей, с тщательным подбором актеров на роли главных исторических персонажей – Марата, Дантона, Робеспьера, Сен-Жюста, Демулена, Кутона, Ролана и его жены, молодого Наполеона. У меня с тех пор такое чувство, что я лично был знаком с ними. В фильме были мастерски воссозданы дух революции, ее бешеный темпоритм, изломы, моменты торжества, предательства и трагедии. То есть передано величие Революции, изменившей раз и навсегда историю Европы. Я утверждаю, что без кровавой Французской революции, десятилетий наполеоновских войн, истощивших французскую нацию донельзя,

* Алексеев-Попов В.С. О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

не было бы современной цивилизованной Европы, в которую так стремятся попасть сегодня некоторые наши соотечественники, что даже штаны на коленях порвали. Потому что в другой позе их туда не пускают.

Вадим Сергеевич думал, что история как наука сильно зависит от искусства писательства. Историк должен выражать свою мысль так, чтобы в голове возникал яркий образ. Собственно, от Алексеева-Попова я впервые услышал это слово – мыслеобраз. В качестве образца мыслеобраза В.С. Алексеев-Попов цитировал нам из «Манифеста Коммунистической партии»:

«Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой».

А действительно, здорово писал К. Маркс! И как точно этот мыслеобраз ложится на, к сожалению, нашу современную буржуазную действительность... Вадим Сергеевич советовал нам, тогдашним студентам: не откладывая на потом, читать классическую литературу. «Если вы сейчас не прочтете Расина и Мольера, вы никогда в жизни их уже не прочтете», – говорил Алексеев-Попов. Как он был прав! Если Мольер еще где-то и как-то, то Расин нигде и никак. А между прочим, надо еще понять, почему Расин, ныне совершенно неинтересный и невостребованный, был в свое время властителем дум. Тексты его произведений являются культурным ключом к пониманию его эпохи.

Вадим Сергеевич был, в сущности, одинокий человек. Университет, работа держали его в этой жизни. Я уже тогда понял, что Алексеев-Попов отнюдь не брюзжащий вредный старик, а но-

ситель огромных знаний, озабоченный проблемой кому-то их передать. Он переживал, потому что времени у него оставалось совсем немного. Здоровье его подводило. Он часто болел. Пару раз во время лекции с ним случался обморок, и его под руки выводили из аудитории.

Он был не только одесским историком, но и историком культуры Одессы. Главным ее разделом является, безусловно, одесская пушкинистика. В книге «Въеварум» (М., 1975) Натан Эйдельман описывает свои поиски пушкинских связей и, чем черт не шутит, вещей в Одессе в 1968 году. Вот выдержка оттуда:

«6 мая. Целый день – в научной библиотеке. Копирую записки Еропкиной. Знакомлюсь с приятнейшими людьми, одесскими историками Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым и Саулом Яковлевичем Боровым. Их адреса мне дали в Москве (мой пароль: «Пушкин. Цявловские, Еропкина, Сомовы»). <...> В.С. Алексеев-Попов – коллекционер. Он показывает мне портрет Надежды Михайловны Еропкиной очень недурной работы. Разговор заходит об искусстве, и вдруг С.Я. Боровой предлагает отправиться на одну старую квартиру. Если уж там ничего не скажут о Воронцове и саранче, то не скажут нигде в Одессе, «а за Херсон и Николаев мы, конечно, не ручаемся».

Одесский краевед Михаил Бинов также ссылался на В.С. Алексеева-Попова как на «истого интеллигента, энциклопедически образованного человека», специально исследовавшего многочисленные культурные и родственные связи известных одесситов.

И последний сюжет. Вадим Сергеевич был интеллигент. Здесь, прежде всего, имеется в виду, что интеллигент – это человек, который постоянно решает для себя проблему достойного существования, нравственного комфорта, согласия со своей совестью.

Ниже я коснусь фактов и событий, о которых в их бытность я ничего не знал. Речь пойдет о «деле» группы одесских студентов, которых арестовали в 1974 г. по обвинению в хранении и распространении запрещенной литературы (самиздата). Среди них был известный ныне кремлевский политтехнолог Глеб Павловский. Он учился на истфаке как раз до моего поступления и был старостой кружка по новой истории, которым руководил В.С. Алексеев-

Попов. И после окончания университета Павловский поддерживал отношения с Вадимом Сергеевичем.

В начале августа 1974 г. Алексеева-Попова остановили на улице сотрудники КГБ. «Нам известно, – сказали ему, – что у вас есть экземпляр «Архипелага ГУЛАГ». Вы должны немедленно сдать его в Комитет госбезопасности». Он так и сделал. При этом ему пришлось сделать признание, что книгу дал Г. Павловский. На процессе по делу другого участника этой группы, Вячеслава Игрунова, в марте 1975 г. Г. Павловский заявил, что он без ведома Игрунова дал прочесть книгу Алексееву-Попову, чтобы услышать его мнение как историка. Сам Вадим Сергеевич к суду в связи с болезнью привлечен не был и проходил только в качестве свидетеля. В суде были приведены его показания. В частности, о книге Солженицына он отозвался как о «тенденциозной», «злостно искажавшей жизнь страны».

Судебный процесс над В. Игруновым шел в 1975 году, то есть именно в том году, в котором мы слушали курс лекций В.С. Алексеева-Попова. Как эта диссидентская история повлияла на старого преподавателя? «Убийственно», – считает Ольга Ильницкая, бывшая в то время женой Г. Павловского. На вопрос, кого она вспоминает из круга людей 70-х – начала 80-х годов, О. Ильницкая отвечала так:

– Вадим Сергеевич Алексеев-Попов. Это доцент Одесского университета. Он преподавал у нас новую и новейшую историю и был очень сложным преподавателем – у него сложно было получить положительную оценку. И очень трудно было сдавать экзамены. И мы как-то сразу его заметили, потому что это был человек очень высокой культуры. Мне казалось, что мы правильно его сосчитали. Потому что те люди, которых выбирали СИДовцы, эти люди оказывались связаны. Оказалось, что Вадим Сергеевич дружил с Михаилом Яковлевичем (Гефтером. – Г. Г.). И цепь замкнулась. И поэтому мы обрели сразу таких прекрасных старших людей. Он очень пострадал в связи с нами, потому что это из нашего дома ушел «Архипелаг ГУЛАГ», который попал от Вячека к нам. И вот эта цепь Вячек – Алексеев-Попов и наш дом с Глебом – это то, что привело, с моей точки зрения, Вадима Сергеевича к смерти. Ни больше, ни меньше.

...Люди просто сами не умирают, их жизнь убивает, а жизнь убивает посредством других людей. Вадим Сергеевич очень остро переживал все, что случилось тогда с ним. Когда у него изъяли во время обыска книгу, он жутко переживал – он не мог не ответить на вопрос, где он взял. Честный человек, который при всем понимании, чем это чревато... Вероятно, он никак не придумал, как выйти из этого положения, – ну, не с неба же свалилось. И он очень мучительно переживал тот факт, что он сказал, откуда эта книга. Он очень мучился, я с ним разговаривала. А он был астматиком, вообще, человеком не очень крепкого здоровья. И вот он как-то стал угасать после этого. Он очень быстро после этого умер. У меня было такое чувство вины перед Вадимом Сергеевичем, что я даже не смогла прийти на его поминки. Я все время чувствовала нашу причастность к его гибели, хотя человек просто умер от болезни*.

Думаю, Ольга Ильницкая напрасно себя корит. Напомню, суд состоялся в 1975 году, а Алексеев-Попов ушел из жизни в 1982-м, то есть спустя семь лет. Многие вещи навсегда покрыты мраком тайны. У В.С. Алексеева-Попова были, кажется, весьма «интересные» взаимоотношения с нашими бдительными органами. Они подозревали его в «скрытом троцкизме и космополитизме». Тем не менее, его выпускали за границу, и не куда-нибудь, а в Берлин и Марсель, где он участвовал в научных семинарах. Впрочем, я несколько не намерен отрицать нравственных переживаний Вадима Сергеевича, усугубивших его нездоровье. Более того, хочу подчеркнуть, что эти переживания были чисто интеллигентского свойства, поскольку он не мог не понимать, что не он вывел органы госбезопасности на Павловского, а наоборот, – к нему пришли, потому что доподлинно знали, что запрещенная книга у него. Но простить себе самому слабости, растерянности и страха он не мог.

Продолжение следует

* Режим доступа: http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/others/odessa/69_75/ilnitsk/prose/vchk-cat-names-other-o_ilnitsk-prose-razlom.html